

УДК 321

К вопросу об искусстве управления государством в традиционном Китае

Цыбанов Шагдар Ширапович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, истории и культурологии,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40-в;
e-mail: tsybanov_sh@mail.ru

Аннотация

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть значение религиозно-идеологического фактора в административной доктрине Китая. Осмысливается роль аксиосферы Китая в мировом историческом процессе, определяются причины усиления Китая в социокультурном и политическом аспектах. Автор статьи раскрывает традиционное для китайской культуры понимание понятий «политика» и «реформа», проводя аналогию с западной трактовкой этих феноменов. В статье используется метод сравнительного анализа, а также историко-типологический и реконструктивистский методы. Результатом анализа причин социально-экономического успеха Китая является каноническая модель управления государством, состоящая из трех компонентов: власть, мудрость и добродетель. Особая роль в этой системе отводится определению значения духовной роли правителя, проводится анализ метафорического образа власти и социальной фобии, связанной с присутствием скрытой, но не лишенной тотального присутствия возможности. Отдельно рассматривается значение закона и ритуальных практик в системе управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Цыбанов Ш.Ш. К вопросу об искусстве управления государством в традиционном Китае // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 234-240.

Ключевые слова

Китай, цивилизация, экспансионизм, стратегия управления, геополитическое пространство, сверхдержава, традиционное сознание, администрирование, национальная идентичность, «открытое общество».

Введение

В системе мировых цивилизаций Китай занимает особое положение. Это одна из наиболее древних и богатых культур, чья история насчитывает несколько тысяч лет.

Стремительное развитие Китая в век глобализации побуждает некоторых социологов и политологов называть XXI век веком Китая, в связи с чем в современном геополитическом пространстве Китай является тем государством, с интересами которого уже невозможно не считаться.

Значение Китая для мировой социально-политической системы двояко: с одной стороны, Китай стремится занять лидирующее положение на мировом рынке по ряду экономических позиций, не уступая при этом США и не отказываясь от общих трендов глобализации; с другой стороны, Китай – это самостоятельная цивилизация, стремящаяся к сохранению своей культурной идентичности и потому оказывающая сопротивление экспансионистским тенденциям Запада. Таким образом, на современном этапе Россия и Китай, фактически, представляют собой те области, где предпринимается попытка модернизировать мировую капиталистическую систему путем противопоставления ей результатов своих культурных и научно-технических достижений.

На современном этапе построение грамотной социально-политической стратегии для Китая – непростая задача как с точки зрения материальных, так и с точки зрения политических ресурсов. Биполярность, существующая в геополитическом пространстве со времен существования сверхдержав, сохранилась и до настоящего времени. Несмотря на распад СССР, в политическом отношении мир не стал однородным. Более того, интенсификация глобализационных процессов еще более обострила накопившиеся противоречия. Эти противоречия представляются особенно очевидными при анализе темпов вооружения геополитических полюсов – России и США.

Общие контуры стратегии управления государством в традиционном Китае

В конечном счете, традиционную китайскую культуру, наряду с российской культурой, можно считать альтернативным центром мирохозяйственных связей, противостоящим западоцентристским концепциям «конца истории» и «столкновения цивилизаций».

Несмотря на то, что Китай органично интегрировался в глобализационные процессы, его концепция глобализации несколько отличается от традиционной. Для китайской концепции глобализации характерно четкое разделение политического и экономического аспектов управления [Рыбаков, 2013, 275]. При этом явный акцент в китайской стратегии управления сделан именно на экономической составляющей в связи с наличием в китайском обществе «охранительных» политических тенденций.

Китаю присуща «традиционная» система управления, значительно отличающаяся от модернизационных трендов, навязываемых Западом. Суть этих трендов состоит, прежде всего, в размывании границ национальной идентичности, а значит, долгосрочной перспективой принятия ценностей «открытого общества» является деконструкция политических, экономических и национальных границ государства, чему Китай активно сопротивляется.

Усиление Китая в мировом социально-политическом пространстве определяется не только внешними обстоятельствами, но и внутренними социокультурными факторами развития, что

подтверждается сохранением стабильно высоких экономических показателей на протяжении многих лет.

Для многих исследователей феномен «экономического чуда» Китая весьма неоднозначен. С одной стороны, социологи и политологи в качестве причины успехов Китая склонны усматривать экономическую и политическую специфику этой страны. С другой стороны, некоторые ученые основой устойчивого развития Китая считают содержание его аксиосферы, основывающейся на традиционном религиозном укладе [Рыбаков, 2015, 125].

Думается, что в ряду оснований экономических достижений Китая именно аксиологическая составляющая является приоритетной, поскольку представляет собой «мягкую силу» (soft power), способствующую формированию инерции экономического роста [Галенович, 2006, 274].

Основу представлений китайцев об идеальной системе «социального порядка» составляет космологическая философско-религиозная доктрина, сущность которой состоит в том, что законы, определяющие жизнь Вселенной, в равной мере определяют и социальное бытие. В системе традиционных религиозно-философских направлений (конфуцианство, даосизм, моизм, легизм) со временем вычлняются фундаментальные категории, детерминирующие картину мира как конкретного индивидуума, так и социально-политический климат общества в целом [Ло Хаоцай, 2010, 214].

В китайской культуре понятие «политика» обладает иным смыслом, отличным от того, который вкладывают в это понятие европейцы. Европоцентричное представление о политике как принуждении сменяется здесь этическим смыслом. Государство в представлении китайского народа – это не инструмент подавления и контроля, а сфера рационального администрирования, призванная наилучшим образом структурировать политическую реальность. Справедливости ради следует отметить, что такая концепция присуща не только Китаю, но и всем странам с конфуцианской культурой, где политика представляет собой, скорее, сферу консолидации, нежели противостояния различных политических сил [Кузык, 2006, 47; Малявин, 2003, 75].

В отличие от европейского политического сознания с его эгоцентричностью и авторитаризмом, для азиатской культуры характерны коллективизм, ориентация на «мягкую силу», строгая иерархическая упорядоченность, традиционализм, абсолютное подчинение авторитету [Брам, 2002, 54]. Все эти признаки, разумеется, со временем формируют «политическое лицо» китайского общества.

Китайская стратегия управления государством значительно отстает от принятой на Западе логики противовесов между властью и населением, а также между различными группами внутри самих властных инстанций.

Духовный облик правителя как условие эффективности «мягкой силы» в стратегии управления

Духовность правителя представляет собой важнейшее качество, лежащее в основе политического авторитета. Правитель, обладающий высокой моралью, является безусловным авторитетом вплоть до священного поклонения. Иными словами, источник авторитета в традиционном китайском представлении состоит не в умении правителя создать страх перед наказанием, а в его желании заботиться о подданных, честности и справедливости. Такой характер политических отношений накладывал свой отпечаток и на стратегию реформирования

социальных институтов: если в западном обществе реформы всегда носили безлично-утилитарный характер, то в Китае показателем эффективности реформ неизменно оставалась культура и моральные принципы правителя [Кузык, 2006, 197].

Характерной особенностью социального реформирования в Китае была и остается их постепенность. Для того чтобы эффективно реформировать социальный институт, необходимо предварительно создать правовые, экономические и аксиологические предпосылки. Такая постепенность модернизации направлена на то, чтобы последовательно приобщать народ к процессу управления государством. В свете сказанного, очевидно, что экспансионистская модернизация по западному типу совершенно неприемлема для Китая, поскольку подрывает основы традиционных ценностей. Принцип китайских реформ, основанный на «нащупывании» продуктивных трендов социального развития, в конечном счете, приводит к ненавязчивому, но прочному вхождению в систему новых мирохозяйственных связей [Матвейчев, 2004, 104].

Демократия в ее традиционном европейском понимании – феномен, глубоко чуждый культуре Китая. В представлении европейца основу демократии составляет стремление индивида обособиться от государства, поручив ему функции управления с целью обеспечения собственной безопасности. В такой системе государство существует для личности, а отнюдь не личность для государства. Фактически, и личность, и государство в такой дихотомичной системе имеют принципиально разные цели, и их консолидация обусловлена исключительно взаимной выгодой.

Китайская социально-политическая модель предполагает противоположную логику: поскольку личность представляет собой лишь часть государства, ни о каком обособлении не может быть речи. В связи с этим многие политологи давно отказались от попыток обнаружения черт демократии в традиционной китайской культуре [Кокарев, 2004, 219].

Принципиальное неприятие традиционным китайским сознанием «демократических» ценностей проецируется не только на область социальной прагматики, но и на сам тип мышления и поведения. Дилемма «социальное-индивидуальное» для китайского гражданина всегда разрешалась в пользу целого в ущерб частному. Это обстоятельство снимало многие социальные противоречия, в том числе и вопрос сословного противостояния: интересы наследственной аристократии всегда имели приоритетное значение перед нуждами простых людей, и это не подвергалось сомнению [Ломбар, 2004, 130].

Иными словами, западные представления о политике не имеют ничего общего с традиционными китайскими представлениями. В значительной степени эти представления имеют не только разные социально-исторические основания, но и совершенно чуждые друг другу метафорические выражения.

Западоцентристская модель политического управления восходит к структуре древнегреческого полиса, основными чертами которого были публичность, открытость, рациональность и прозрачность. Китайская же модель имеет метафорическую форму выражения, и образами, олицетворяющими сущность власти, являются образы травы и ветра. Если ветер (власть) олицетворяет вектор движения (стратегию развития), то трава (подчиненные) – форму реализации этой стратегии, выражающуюся в подчинении. Помимо того, что «ветер» обладает свойством стихийности (волевого участия, императива), он еще и направлен, и эта направленность невозможна без наличия духовной харизмы, влияющей на эмоциональную сферу подданных.

В значительной степени харизматический элемент управления в традиционном китайском обществе значил даже больше, чем принуждение: истинно мудрым считался лишь тот правитель, который без принуждения мог сохранять авторитет лишь силой духовной харизмы. Этот аспект управленческого искусства был теоретически обоснован в трактате «Хуай Наньцзы». Здесь обосновывалась такая социально-политическая модель, в которой исключалась сама идея реформирования власти, а система наказаний была лишь номинальной, так как отсутствовали прецеденты ее применения на практике [Ху Яньсинь, 2006, 130].

В традиционном Китае существовало не только жесткое разделение труда среди представителей разных сословий, но и дифференциация самих типов мышления. Так, в частности, человек низкого происхождения не мог позволить себе рассуждать о высоких вещах. Это обстоятельство дополнительно закрепляло сложившуюся систему социальных ролей не только юридически, но и морально, подрывая саму основу потенциальных протестных социальных движений [Попов, 1998, 113].

Классическими составляющими китайской модели управления являются власть, мудрость и добродетель. Взаимосвязь этих элементов проявляется в том, что условием власти является мудрость правителя, коренящаяся в его добродетели. Конфуций отмечал, что закон как способ принуждения – не слишком надежный инструмент сохранения власти. При такой системе контроля основным сдерживающим эффектом является не стыд, а страх, а это означает, что авторитет правителя искусственно навязан извне и, следовательно, не обладает необходимым запасом прочности. Авторитет становится незыблемым лишь тогда, когда основан на ритуале и искренней вере в исключительные качества правителя [Конфуций, 2003, 516]. Согласно взглядам Конфуция, «ритуал» и «закон» нельзя рассматривать обособленно: если закон обладает сдерживающей силой, то ритуал – «одухотворяет» подкрепленные законом социальные практики.

Заключение

Таким образом, особенностью политического управления в Китае является то, что система политических институтов китайского общества (в т.ч. и закон) – не абсолютный императив, навязанный извне с целью принуждения, но пространство добровольной социальной интеграции. В связи с этим, некоторые исследователи отмечают, что способность власти без принуждения организовывать огромные массы людей принадлежит исключительно китайской культуре.

Власть в представлениях китайцев не является чем-то искусственным и замкнутым исключительно на себе. Власть, как и система политических институтов, это лишь отражение процессов, происходящих в природе. Такой способ мышления позволяет китайскому обществу избегать хаоса и сохранять равновесие, что, учитывая численность населения Китая, особенно важно. Маркером порядка со стороны социальных институтов является жестко регламентированная бюрократическая система, неизменно воспроизводящаяся на протяжении поколений.

Учитывая масштабы распространения глобализационных процессов, становится очевидным значение ценности китайской культуры для механизмов консолидации не только самого китайского народа, но и отдельных областей мирохозяйственной системы. Усиление роли Китая как супердержавы позволяет сдерживать императивные действия Запада, имеющие откровенно экспансионистскую направленность.

Библиография

1. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. 423 с.
2. Брам Л. Китай: пять первоэлементов китайской философии. М., 2002. 203 с.
3. Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 390 с.
4. Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М.: Институт Дальнего Востока, 2004. 319 с.
5. Конфуций. Уроки мудрости. М.: Эксмо Фолио, 2003. 957 с.
6. Кузык Б.Н. Китай Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 652 с.
7. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая. М.: Книгодел, 2010. 344 с.
8. Ломбар Д. Императорский Китай. М.: АСТ Астрель, 2004. 190 с.
9. Малявин В.В. Искусство управления. М.: АСТ, 2003. 432 с.
10. Матвейчев О.А. Китай на стыке тысячелетий. М.: Звездная лига, 2004. 108 с.
11. Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. М.: Восточная литература, 1998. 278 с.
12. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. СПб., 2009. Т. 1. 495 с.
13. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. СПб., 2009. Т. 2. 414 с.
14. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000. 460 с.
15. Ху Яньсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: сравнительный анализ теоретических подходов и социальных практик в конце XX – начале XXI веков. М.: Компания Спутник+, 2006. 149 с.

To the question of the art of state administration in traditional China

Shagdar Sh. Tsybanov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy, History and Cultural Studies,
East Siberia State University of Technology and Management,
670013, 40-v, Klyuchevskaya st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: tsybanov_sh@mail.ru

Abstract

The article analyzes the role of the religious and ideological factor in the art of governing in China. The role of the value sphere of China in the world historical process is understood, the foundations of China's success in the cultural and political spheres are determined. The author of the article examines the essence of the concepts of «politics» and «reform», drawing an analogy with the Western interpretation of these phenomena. The article uses the method of comparative analysis, historical and typological method and method of reconstruction. As a result of analyzing the causes of the «economic miracle» of China, an ideal model of government is introduced, including power, wisdom and virtue. Here, the spiritual role of the ruler is given special importance, the image of power and social phobia associated with the presence of a hidden but real threat is analyzed. a feature of political governance in China is that the system of political institutions of Chinese society (including the law) is not an absolute imperative imposed from outside by the goal of coercion, but a space of voluntary social integration. In this regard, some researchers note that the ability of the authorities to organize large masses of people without coercion belongs exclusively to Chinese culture. The power in the ideas of the Chinese is not something artificial and closed only on itself. This way of thinking allows Chinese society to avoid chaos and maintain balance, which, given the population of China, is especially important.

For citation

Tsybanov Sh.Sh. (2019) K voprosu ob iskusstve upravleniya gosudarstvom v traditsionnom Kitae [To the question of the art of state administration in traditional China]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (2A), pp. 234-240.

Keywords

China, civilization, expansionism, management strategy, geopolitical space, superpower, traditional consciousness, administration, national identity, «open society».

References

1. Bichurin N.Ya. (2002) *Kitai v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii* [China in a civil and moral condition]. Moscow: Vostochnyi Dom Publ.
2. Bram L. (2002) *Kitai: pyat' pervoelementov kitaiskoi filosofii* [China: the five primary elements of Chinese philosophy]. Moscow.
3. Confucius (2003) *Uroki mudrosti* [The lessons of wisdom]. Moscow: Eksmo Folio Publ.
4. Galenovich Yu.M. (2006) *Deviz Khu Tszin'tao: sotsial'naya garmoniya v Kitae* [The motto of Hu Jintao: social harmony in China]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ.
5. Hu Yanxin (2006) *Gosudarstvennaya etnonatsional'naya politika v Kitae i Rossii: sravnitel'nyi analiz teoreticheskikh podkhodov i sotsial'nykh praktik v kontse XX – nachale XXI vekov* [The state ethno-national policy in China and Russia: a comparative analysis of theoretical approaches and social practices in the late XX – early XXI centuries]. Moscow: Kompaniya Sputnik+ Publ.
6. Kokarev K.A. (2004) *Politicheskii rezhim i modernizatsiya Kitaya* [The political regime and the modernization of China]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Publ.
7. Kuzyk B.N. (2006) *Kitai Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya* [China Russia 2050: co-development strategy]. Moscow: Institute for Economic Strategies.
8. Lo Haotsai (2010) *Ocherki sovremennogo administrativnogo prava Kitaya* [Essays on the modern administrative law of China]. Moscow: Knigodel Publ.
9. Lombar D. (2004) *Imperatorskii Kitai* [Imperial China]. Moscow: AST Astrel' Publ.
10. Malyavin V.V. (2003) *Iskusstvo upravleniya* [The art of management]. Moscow: AST Publ.
11. Matveichev O.A. (2004) *Kitai na styke tysyacheletii* [China at the turn of the millennia]. Moscow: Zvezdnaya liga Publ.
12. Popov P.S. (1998) *Kitaiskii filosof Men-tszy* [Chinese philosopher Mencius]. Moscow: Vostochnaya literature Publ.
13. Rybakov V.M. (2009) *Tanskaya byurokratiya* [Tang bureaucracy]. St. Petersburg. Vol. 1.
14. Rybakov V.M. (2009) *Tanskaya byurokratiya* [Tang bureaucracy]. St. Petersburg. Vol. 2.
15. Sidikhmenov V.Ya. (2000) *Kitai: stranitsy proshlogo* [China: pages of the past]. Smolensk: Rusich Publ.